

прочими напечатанными его песнями, с приложенными к ним нотами, под чудным титулом и проч.»²³ В действительности же в «Трудолюбивой пчеле» напечатана «Элегия», подписанная «Катерина Сумарокова».

Что же касается шести песен, перепечатанных Сумароковым из тепловского песенника 1759 года, то именно самый факт перепечатки песен мог возбудить неприятные для Сумарокова толки. Сочинение песен в 1750-е годы было широко распространено среди дворянской литературной и околотитулярной молодежи. Однако песня считалась жанром домашним, бытовым; ее не печатали, с ней не считались всерьез. Первый русский сборник песен одного поэта издал Михаил Попов в 1765 году. Но ведь Попов стал очень рано из актера писателем-профессионалом, традиции дворянского литературного дилетантизма ему были чужды; для него литература была ремеслом, источником средств существования. А в исходе 1750-х годов «песенки» ходили только в рукописном виде. Их писали не для печати, а для исполнения — и только. Поэтому возмущение Сумарокова перепечаткой его песен могло вызвать к себе ироническое отношение в эпоху, когда песня была сплошь анонимной. Из этого неприязненного, может быть, на первых порах только иронического отношения к шуму, поднятому Сумароковым вокруг шести песен, в конце концов, мог возникнуть слух о присвоении чужих песен, разработкой которого занялся Эмин в «Ученой шайке», когда его отношения с Сумароковым по какой-то нам еще неясной причине обострились.

После того как мы установили, что Ергаст — это Сумароков, необходимо определить время написания комедии Эмина, ее место в развитии взаимоотношений поэта и романиста, и тем самым и ее роль в литературной борьбе эпохи.

Как известно, Сумароков вывел Эмина под именем Герострата в комедии «Ядовитый», написанной не позже лета 1768 года, так как 23 октября этого года датируется «Донесение» Сумарокова в Академию наук с просьбой напечатать эту комедию (закончена печатанием 5 ноября 1768 года).

В явлении XI комедии Сумарокова издевательски упоминаются романы Эмина, его «Российская история» и, наконец, его собственная биография, которую он любил расцвечивать романическими происшествиями:

К л и т а н д р. Ваше колкое перо всему просвещенному свету столь гадко, сколь правилам, разуму и слуху противен склад ваш.

Герострат. Кто знает языков целую дюжину, так кажется, тому писать можно.

²³ «Дамский журнал», 1830, № 29, стр. 33—34.